

Polylogos. 2013-2020

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

All right reserved

№ 4 Volume 3. 2019

Images of the “non-Greekophile” story of Chernorizts Khrabr

A. Guseva

Institute of Philosophy of RAS

Moscow, Russian Federation, 109240, Goncharnaya st., 12/1

Abstract

The treatise, that was written in the 11th century by Chernorizetz Khrabr, is a historical narrative, proving the necessity and possibility of the Slavic writing using an argument of “continuity from the start”, and this beginning, which, contrary to expectations, is not the Greek writing, but Syriac one, i.e. Phoenician. Hrabr tells the history of the alphabet as the history of the Slavic people in the context of the world history. Two alphabets coexisted in the pre-Cyril period, profane and magical, none of which were suitable for the story of the history of the Christian people, led to the need for the invention of the writing by st. Cyril the Philosopher.

After the creation of the new alphabet, it became possible to talk about a story (big story). Every story begins with a reference point. And for Hrabr Syriac such a reference point was Syriac, that is, the Phoenician language with its reference to the zero point: Syriac appears in medieval texts as a paradise language, the language of the beginning of the world. And the Greek cultural code with its pre-Christian connotations is discarded, despite the obvious similarity of the graphic characters – and despite the fact that Christianity came from Constantinople.

Rejection of the Greek substrate and at the same time an acute thirst for Greece as a form is the defining feature of grecophile consciousness, which, despite its agonism, nevertheless implies a search for the internal form of history and its acquisition in Helleno-Christian culture.

Keywords list (en): philosophy of history, historical memory, historical consciousness grecophile discourse, ideographic alphabet, history of writing, Phoenician trail

Date of publication: 30.12.2019

Citation link:

1 В статье речь пойдет о видении истории Черноризца Храбра¹, средневекового книжника-монаха. Известен составленный им трактат «О письменах», обосновывающий существование славянского письма, претендующего, в отличие от греческого, на то, чтобы называться христианской письменностью. Грекофильский дискурс предполагает разрыв с исходным кодом, греческий этап переосмысливается и отвергается, и это своего рода борьба, в ходе которой история видится и как своя и как чужая одновременно.

2 Грекофильская традиция несет в себе мощное агоническое начало². Древнегреческий агонизм касается не только Олимпийских, Пифийских или других игр, это состязательность как мотивация в любом виде человеческой деятельности, где победитель получает в награду венец бессмертия – память, и в этой памяти – историчность. Черноризец Храбр устанавливает свое «осевое время», разворачивая рекурсивный проект «современности» X столетия.

3 *Алфавит как возможность истории*

4 Текст Храбра по праву можно отнести к числу исторических – его предметом является новизна живой истории славянского народа. Новая история букв (как начало истории и фрагмент «большой истории») рассказывается на фоне всемирной истории письма, что вписывается в контекст средневекового мышления – наследники греческой риторической методологии, книжники интуитивно использовали амплификацию, т. н. «расширение с повторением», как инструмент доказательства существования и, более того, превосходства предмета речи.

5 Книжник – логограф – проходит сквозь традицию, собирая и накручивая ее на веретено, он не может не взять, не зацепить «лишнее», по которому потом можно распутать не-сказанное, оставшееся вне ткани текста (как в детской кумулятивной фразе из «Черной курицы» А. Погорельского: «кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей»). То, о чем пишешь, оставляет след - география формы текста ведет через Грецию и, откинув ее, вступает на землю Адама – к точке творения мира.

6 Историческая амплификация Храбра, свидетельство исторического сознания, формирующего гуманитарную память, трудно прочитывается по одной причине: «мы мало знаем книги, которые читали писатели Древней Руси» – эта фраза Г.М. Прохорова как нельзя больше подходит к автору трактата «О письменах», о личности которого до сих пор спорят. Что стоит за словами Черноризца Храбра, какие реалии остались за его текстом, когда, в какую эпоху их перестали «считывать» писцы и читатели (устная традиция легко пресекается – от мысли остаются коричневые буквы, да и те исчезают в палимпсесте вечности)?

7 Трактат открывается краткой историей славянской письменности, и с самого начала читатель сталкивается с провалом понимания. Молодые славянские государства (Болгарское, Сербское, Великоморавское, Польское, Паннонское, Киевское) «не имеяху писмен», говорит Храбр, и до тех пор, пока не узнали христианства, писали некими «чертами и резами»³ - эта фраза, вошедшая во все хрестоматии, начинает рассказ о первом этапе славянского письма.

8 Храбр приводит здесь одно из свидетельств существования докирилловской письменности. Возможно, речь идет о руническом письме, которое, по одной из версий, носило, как и германские руны, магический характер⁴. Если принять эту версию, то ясно, что магический алфавит трудно сделать началом новой истории: все, что написано, имеет

особенность одновременно обнуляться (причиной чему служит итеративность как отличительная особенность подобных текстов), как бы переходить в бесконечность; эта «ирреальная» письменность может быть случайным достоянием археологов – но историю как совокупность поступков народа она хранить и передавать неспособна, поскольку природа исторического значима по-иному, для этого необходим алфавит с другой идеей – или вообще другой алфавит. Здесь мы сталкиваемся с проблемой сосуществования в пределах одного языка двух алфавитов, «магического» и «исторического» (если не назвать его «профанным»).

9 О славянском докириллическом письме известно немного. Рунические надписи почти не сохранились. Известны лишь несколько фактов: Ибн Фадлан в «Путешествии на Волгу» говорит о надписании имени усопшего и его царя на древе⁵; сохранилось свидетельство Титмара Мерзебургского о надписях на рюгенских идолах⁶, и некоторые другие, где речь, скорее всего, идет о сакральном руническом письме⁷.

10 Руны, как и некоторые другие виды письма, – особый тип письменности, сохранивший и древнее идеографическое начало, и фонетическую составляющую. По аналогии с двуязычием, такие письменные системы можно было бы назвать *биграфическими*: последовательность букв позволяет читать себя и как собственно алфавит с регулярным соответствием названия буквы и ее фонетической реализации, и как идеографическую систему, рассказывающую мир как древнюю недетскую сказку, имеющую то ли пропедевтический, то ли онтогносеологический, то ли сакральный (мистический, символический) характер⁸. Собственно, так понимали греческий алфавит, - произошедший из финикийской, биграфической системы, - гностики, а до них пифагорейцы⁹, поэтому не всегда можно говорить о биграфических алфавитах как об отдельных семиотических системах, биграфичность может быть и вторичной, как следствие интерпретации в определенном ключе.

11 Итак, черты и резы, о которых говорит Черноризец Храбр, видятся книжником как своего рода тупиковая ветвь: будучи одной из дохристианских возможностей славянского письма, они не могут быть формой новой истории. Такая возможность, однако, теоретически сохранялась у греческого и латинского алфавита, на котором уже создавались хроники христианских народов и существовала богатая гимнографическая традиция, не говоря уже о богослужебных книгах и Писании.

12 После официального крещения (IX-X вв.) славяне были вынуждены начать пользоваться римскими (Фрейзингенские отрывки¹⁰) и греческими письменами¹¹, но они, как считает Храбр, не выражали должным образом строй славянской речи. И этот, казалось бы, простой аргумент снова ставит читателя перед разрывом двух культур, современной и средневековой, где идеографичность как внутренняя форма письменной системы была выражена гораздо сильнее. Несовершенство греческих письмен выражается не в графической недостаточности. Так как примеры, которые приводит Храбр, все же трудно толковать только в фонетическом ключе (а так это и делается чаще всего) – возможно, учитывалась внешняя форма букв, но тогда это значит, что идеографичность важный признак любого письма, и соответствие начертания письменных внутренней форме языка становится важнейшим фактором узнавания «своего». Почему, иначе, как пишет Храбр, невозможно написать греческими или римскими знаками слова «б(о)гъ или животь или зело или цркы или чаание или широта или ядь или уды или уность или человекъ... или инаа подобна симъ»¹²? Теперь, после начала истории, трудно использовать знаковые системы, имеющие хоть какую-то часть нехристианской истории. Именно этим и скомпрометировал себя греческий алфавит, который стал своего рода «антиалфавитом» в рассказе Храбра. Приняв христианство от греков, ранний славянский мир вступает на агон.

13 Конфликт между человеком и письмом длился, пишет Храбр, долго, но потом,

спустя годы, Бог посылает Константина Философа и тот создает новый алфавит, который становится не только средством для прочтения Писания и понимания богослужения: это письмо как делание нового Адама, он есть свидетельство новой истории как истории человека во Христе.

14 Итак, св. Кирилл стал создателем алфавитного письма из 38 букв, одни из которых строились по порядку греческого алфавита, а другие были введены для славянских звуков. А дальше аргументация Храбра течет по принципу противопоставления – греки и Кирилл. (И снова применена амплификация.) Опорной точкой становятся финикийцы, и в этом «финикийском» походе Черноризца Храбра славяне и финикийцы сражаются на одной стороне.

15 В начале алфавитного ряда «они оубо алфа, а сеи азъ» поставил, причем это начало такое же, как и в древнееврейском письме¹³. Храбр видит в этой точке отсчета и схожее, и различное: так, у евреев первая буква – алеф, которая означает «учение». При начале обучения говорят: «учись!», т.е. «алеф». И греки, уподобляясь в этом евреям (тема подобия как метод познания характерна для средневекового мышления), назвали первую букву «альфа», что значит «ищи!»¹⁴, «алфа бо ищи ся речеть гречьскимъ языкомъ». Такое словарное значение буквы «альфа» – «поиск» и, тем более, «учение», поставленное в синонимические отношения – выглядит по меньшей мере необычно, если не абсурдно¹⁵. Но это именно то неслыханное, в которое можно только поверить (*credo quia absurdum*).

16 Кирилл же, пишет Храбр, продолжая уподобление, сотворил азъ как «от б(ог)а даноу роду словенскому, на отвьрстие усть в разоумъ»¹⁶. Таким образом познание в интерпретации Храбра начинается с отверстия уст и речи, т. е. с говорения, с рождения из себя слова – и с научения слову. Мотив научения слову в христианской культуре носит, конечно, прежде всего катехизаторский оттенок¹⁷. Неслучайно азъ, первый знак глаголицы, системы письма, созданной Кириллом, представляет собой крест¹⁸.

17 Мотив сравнительной схедеографии – «учись», «ищи», «отвьрстие усть в разоумъ» – также выдающий «грекофильский» менталитет автора этого отрывка, важен для того, чтобы обнаружить восприятие букв как идеографических знаков. Известно, что обучение чтению по складам было основой для византийского ареала¹⁹. Эта практика также базируется на обучении идеографическому восприятию письменных знаков.

18 Возможно, характер обучения в латинском и «грекофильском» ареалах был различен – и нет ли тут прямой связи с утратой латинским алфавитом финикийской идеографичности, начавшейся с названия буквенных знаков, сохраняющих отзвуки слоговой письменной системы? Отличие, пишет В.М. Живов, «объясняется в конечном счете разным способом усвоения данных языков: латынь усваивается с грамматикой и словарем, церковнославянский – с Псалтирью и Часословом, которые заучиваются наизусть. Обучение латыни в средневековой Германии или Ирландии типологически сходно с обучением иностранному языку в современной школе. Обучение церковнославянскому в славянских странах строится принципиально по-иному (по крайней мере вплоть до XVII века): ученик выучивается чтению по складам, читает и заучивает церковнославянские тексты и понимает с помощью ресурсов своего родного языка. Этот характер обучения отчасти, видимо, обусловлен тем, что процесс овладения грамотой является вместе с тем процессом катехизации... и наизусть заучиваются религиозно значимые тексты»²⁰. Чтение по складам предполагает иное восприятие уровней и ярусов языка – все начинается со звучания, с отверстия уст, с буквы как элемента любого нарратива, в то же время привносящего свой собственный смысл, и подобное восприятие характерно, в той или иной степени, для всего «грекофильского мира»²¹. Сами греки также учились читать по складам – эта традиция образуется еще в античности и удерживается до

позднего средневековья²².

19 В тексте Храбра, таким образом, славянскому кирилловскому письму придается и дидактический, пропедевтический, и, более того, теолого-гносеологический смысл, и это не просто письмо как способ записи речи, а готовность и дерзание нового Адама к познанию мира – в этом видится задача новой истории. (Но остается одна нерешенная задача: к какому из видов славянского письма, глаголице или кириллице, это относится.)

20 *Бои за историю. Вавилонская башня*

21 Далее в трактате Храбр приводит решительный аргумент против ереси трехязычия²³. Бог не сотворил ни еврейского языка, ни римского, ни эллинского, пишет книжник, – сотворен Богом только сирийский, которым говорил Адам, и после Адама люди до Вавилонского столпотворения.

22 Тема сирийского как изначального языка прослеживается у Феодорита Киррского²⁴: «Это показывают имена. Ибо Адам, Каин, Авель, Ной – имена, свойственные сирийскому языку. Красную землю в обычае у сирийцев называть: адамфа. Поэтому Адам переводится земной или перстный. А Каин значит: стяжание. Это сказал и Адам, воспевая Бога: “стяжах человека Богом”. Авель же значит: плачь; потому что он первый был причиной плача родителям»²⁵.

23 О еврейском же языке Феодорит пишет так: «Думаю, что это язык священный. Ибо как в еллинских храмах были особенные некие начертания букв, называвшиеся священными: так Бог дал через Моисея дал этот язык, не природный, но изучаемый. Все прочие говорят на языке того народа, в котором родились... у еллинов еллинский, в Персии персидский, в Египте египетский, а не найдешь, чтобы дети еврейские в самом начале употребляли язык еврейский, напротив того, говорят они на языке того места, в котором родились, потом, пришедши в отрочество, обучаются начертаниям письмен, и посредством письмен изучают Божественное Писание, писанное на еврейском языке»²⁶.

24 Толкования на книгу Бытия, по всей видимости, были известны в славянском ареале благодаря включению фрагментов текста в Изборник 1073 г.²⁷. Мотив поиска Адамова языка как идеального пространства, пространства абсолютного понимания, связан с рассказом о Вавилонской башне. Сирийский, или «сириянский», язык в византийских и славянских текстах – это язык Адама, тот самый, каким человек говорит с Богом и которым дает имена вещам. В статье «Вавилонская башня и языковая концепция в старосербской письменности» современный сербский филолог Дж. Трифунович приводит любопытный диалог из вопросоответного памятника, немного напоминающего пифагорейские акусмы, – «Слово о небеси и земли»²⁸:

25 «В. Кто первый изобрел греческие буквы? О. Меркурий. В. А славянские? О. Кирилл Философ. ... В. Каким образом Бог будет судить мир? О. Образом и красотой прекрасного Иосифа, а языком сириянским будет судить Бог мир, потому что этим языком говорили Адам и Ева».

26 (Тот же мотив – в тексте «От скольких частей был создан Адам»: «Бог сурьянским языком хочет всему миру судити».)

27 Итак, после падения башни сбиты, перемешаны и расколоты оказались, как, возможно, сказал бы Ф. де Соссюр, уровни и ярусы языка – и вместо одного языка возникло множество языков с различными внутренними формами, а вместо одной истории – рассказы каждого народа о своих богах и героях с единым началом – сотворение мира. Тема

происхождения языков, народов, их божественного предназначения и вписанности в мировую историю была очень важной для средневекового славянского сознания – в конце концов, дело касалось обоснования и оправдания собственного существования.

28 Один из неизвестных сербских книжников, современник Чернорица Храбра, в тексте «Древнее сербское родословие», ведя рассказ о событиях мировой истории от Адама до своего времени, также пересказывает фрагменты из Хроники Георгия Амартола – однако, если традиция, идущая от Георгия, первоязыком называет еврейский, то здесь наоборот. В главе, посвященной строительству и крушению Вавилонской башни («О столпотворении»), доказываемая, что Адамов язык – сирийский, и это, по словам книжника, также сметает логику ереси трехъязычия²⁹. Здесь мы видим буквальное совпадение с мыслью Чернорица Храбра.

29 Что стоит за древнеславянским совсем не лингвистическим термином «сирийский язык» – можно спорить. Райский Адамов язык, утраченный навеки после грехопадения и проявляющийся в редких случаях совпадения мира и бытия? Внутренняя форма праязыка? Отголоском поисков этого всечеловеческого праязыка стали разработки общей грамматики европейского средневековья и нового времени, к Адамову языку ведут нити «философских грамматик», но, увы, «после Вавилона всечеловеческого языка, по-видимому, не существует»³⁰; реконструкции средневековой и новой Европы – не раскопки и интерпретация, а прежде всего желание увидеть целое как часть себя³¹.

30 В восприятии древнерусских книжников не было времени как последовательности вне рассказа о сотворении мира, с которого начинаются все хроники и летописи – это своего рода обратный отсчет, прорыв в нуль.

31 Адамов язык – тот, которым Творец сказал Моисею: «Азь есмь сый»³², и это исчерпывающая фраза праязыка, включающая в себя все сказанное – и вообще включающая в себя все. В то время как в человеческом слове за сказанным остается пространство не-сказанного; невозможно сказать абсолютно понятную фразу в мире, где существуют только частные языки. В языке – и связывание, и разделение одновременно, «язык настолько же разобщающая, насколько сообщающая среда»³³. Словом, сказуемым очерчивается пространство личности («каждый человек сохраняет особый мир прежде всего и почти исключительно благодаря своему языку»³⁴, это способ выразить присутствие в мире – и в этом мера умолчания как мера свободы и возможности уйти в область понимания и тишины, ведь «невозможно говорить и мыслить на общем языке»³⁵.

32 Но история о башне в интерпретации книжников – это не только утрата всеобщего языка, это утрата языка, на котором Адам говорил с Богом, когда язык сохраняет возможность быть, по словам солженицынского Сологодина, «языком предельной ясности» Стремление найти праязык в этом смысле – это попытка вернуться, снова обрести цельность как возможность райского бытия, когда множество историй говорят об одном – хотя тогда сама необходимость истории утрачивается.

33 Сирийский, сирийский язык иногда совпадает с еврейским³⁶ (в котором, как это следует из представлений славянских книжников, также всегда были сильная биграфическая тенденция).

34 Так, во второй книге, главе 3 Хроники Георгия Амартола говорится, что первый на земле язык – это еврейский, и «кто по незнанию оспаривает это, считая, что не еврейский первым был, а сирийский, пусть выслушает мудрейшего и ученейшего Оригена, который в толковании на Иова говорит: “Так толкуется в книгах сирийский” и далее: “Он называет еврейский язык сирийским, потому что в древности Иудейскую землю Сирией именовали и палестинцев сирийцами называли”»³⁷.

35 Повесть временных лет пишет о вавилонских последствиях так: «И сниде Богъ, и размеси языки на 70 и 2 языка. Адамовъ же бысть языкъ не отъять у Авера: той бо единъ не приложися к безумью их, рекъ сице: “Аще бы человекомъ Богъ реклъ на небо столпъ делати, то повелелъ бы самъ Богъ словомъ, якоже створи небеса, землю, море, вся видимая и невидимая”. Сего ради того языкъ не пременися; от сего суть евреи»³⁸.

36 В том, что внимание книжников вновь и вновь возвращается к сирийскому – сирийскому – сурскому (и здесь же: рушьскому, русьскому) – еврейскому языку, похоже, выражается стремление вернуться в «нуль истории», в довременное, еще не развернувшееся состояние, в золотой век, где история еще не началась, в ней, строго говоря, нет необходимости. Об этом же говорят и поиски «сирских» или «русских» писем в Корсуні (такая проблема поставлена исследователями Проложного жития равноап. Кирилла).

37 Еще одно, и, пожалуй, самое раннее, свидетельство – памятник «Пещера сокровищ» (полное название – «Пещера сокровищ, которую составил святой Ефрем»³⁹). Текст появился не раньше VI в. в Месопотамии. Там приводится обоснование, почему сирийский язык является царицей всех языков и по какой причине он считается первоначальным языком, на котором говорили до Вавилонской башни. Аргумент внелогичен и прозрачен: сирийцы не принимали никакого участия в распятии Господа. (Строго говоря, тут тоже идет речь об осевом времени: крест становится центром, точкой отсчета.)

38 Но и тут не все так просто. На сирском говорит с человеком диавол. Преподобный Иларион из Жития (Великие Минеи Четьи) изгоняет беса и говорит с ним на сирском языке. Так же поступает Андрей Юродивый: «преврати язык... на сирьску речь, и нача седа повести деяти с ним сирьски, еликоже мышляше и хотяше»⁴⁰. Не случайно в Проложном житии Кирилла Философа акцентируется внимание на том, что он знал греческий, римский, еврейский и сурский – как бы подчеркивается, что эти языки необходимы философу, чтобы вести разговор о добре и зле.

39 Далее в тексте Храбра снова следует фрагмент из Хроники Георгия Амартола: после смешения языка так же смешались и перераспределились их виды деятельности (здесь снова идет речь о делании) - египтяне занялись землемерием, персы, халдеи и ассирийцы волхвованием, врачеванием, чарованием, евреям достались святыя книги, в которых написано о творении мира и мироустройстве, элинам Бог дал грамматику, риторику и философию⁴¹. Так деятельность, тип делания выступает как основа миропознания конкретного, «Богом зданного» народа. Область божественного призвания связана для греков с языком и философией, поэтому славяне могут стремиться к уподоблению грекам, но надо помнить о преимуществах и, главное, абсолютной новизне (чистоте) письменной культуры. Естественно, у Храбра прямо ничего не сказано о призвании славян, все кончается на греках, потому что так у Амартола, но подразумевается, что славяне, получив дар Кирилла, буквы, непременно должны оживить иссыхающую ветвь гречества, будучи чище и, следовательно, ближе к Богу «по письму», начавшему историю сначала.

40 История сопрягает письмо и святость – изобретатели алфавитов прославлены и почитаются как святые: свв. равноап. Мефодий и Кирилл, епископ Вульфилла, Месроп Маштоц, Стефан Пермский. Письмо встроено в священную историю – и становится вратами познания.

41 Черноризец Храбр, создавший свою «негрекофильскую» историю, по сути, включающую в себя концепцию письменной системы, представляет алфавит как систему познания и свидетельства нового мира. Концепция, очерчивающая, казалось бы, лишь буквенно-фонетический облик слова, уже содержит в себе внутреннюю форму языка в гумбольдтовском смысле и, по сути, включает в себя как идеографическую компоненту две

различные речи о мире – «жизненную» и символическую.

42 Моравская миссия свв. Кирилла и Мефодия совершалась (и завершилась) в сложном языковом континууме: в греческо-латинском мета-язычии разворачивались сложные отношения между «внутренними», малыми «язычиями» - западнославянский диалект, немецкий язык, плюс многосоставный языковой комплекс аварского каганата.

43 Тут встает один важный вопрос. Поводом начала миссии была эллинизация славянских территорий. Но что касается разработки письма для славян – неизвестно, как относилось к этому само византийское правительство⁴². Целью миссии могло быть «создание благоприятных условий для христианизации славян, живущих на территории империи»⁴³, или же речь шла «о христианизации соседних с Византией самостоятельных славянских государств». Была ли деятельность Кирилла и Мефодия, связанная с утверждением славянского письма, вписана в историческое сознание греков как очередная эллинизация (ромеизация) стратегически важных территорий или, напротив, это было нечто противоречащее имперской политике?

44 Попытки создать алфавит для славян – или вообще как-то решить проблему бесписьменных соседей – предпринимались до кирилло-мефодиевского периода, при Михаиле II, деде Михаила III⁴⁴ на базе греческого алфавита. Кроме того, была выдвинута теория, что задача создания письменности на основе латинского алфавита и латинского языка славян была решена немецкими миссионерами, а выработанные в ходе этой работы славянские церковные термины были использованы Кириллом и Мефодием⁴⁵.

45 Выбор истории – это в данном случае прежде всего выбор мета-языка, ведение речи о себе в греческом или латинском русле. Западные славяне оказались в римском политическом и языковом ареале. Латинский алфавит сейчас активно используется и в южнославянских территориях – эту двойную графику, как, например, в Сербии (особенно в Воеводине) и Черногории, можно тоже отнести к разновидности двуязычия. Однако можно себе представить, что с течением времени кириллица будет терять популярность и постепенно за графикой будет менять очертания и языковая личность, включая себя в другую историю, которая начинается с внутренней формы буквы – идеографическая компонента, будь она и утрачена, все равно притягивает, формирует и выравнивает писца, даже если он утратил свой почерк, перейдя в наше цифровое пространство.

46 *«Когда задумаешь отправиться к Итаке...»*

47 Вернемся в Грецию. Как пишет Черноризец Храбр, греки долго не имели своего алфавита, для письма использовалась финикийская система письма («финицкими писмены писаху»⁴⁶). Это устойчивый мотив, который говорит о забвении «своего» - принесенные письмена явно были чужими, их пришлось адаптировать (появление гласных в консонантном ряду); но удивительно – финикийское письмо, развернувшееся в вокально-консонантную систему, стало веретеном осевого времени. И финикийское начало здесь – явно «довременное», равное сирскому в восприятии славянских книжников. Жажда нуля как строгой бесконечности столь сильна, что об иных, не финикийских традициях письма в греческом ареале практически нет упоминаний.

48 Эгейский анклав находился издревле находился под сильным финикийским влиянием, греческие и финикийские города соседствовали, и финикийское письмо, достигшее расцвета около IX в. до Р.Х., было принято греками, жившими на этих территориях, для записи эллинской речи, буквы приняли несколько иное очертание, сохранив, тем не менее, семитские названия. Возможно, поскольку названия элементов письма были лишь немного изменены (греческие названия букв оканчиваются, как правило, на открытый слог вместо

закрытого в финикийском варианте), они для греков не были лишены смысла и не вызывали отторжения – в таком случае можно говорить о ситуации греко-финикийского двуязычия, и рассказ алфавита был понятен и логичен. Эта прозрачность и понятность имен букв, можно предположить, была размыта в эпоху Платона или немного раньше – ср. приведенный выше пример из «Кратила»: «бытовые» финикийские названия проигрывают абстрактным, типа «движение», «скольжение», «препятствие», хотя считать это именами букв было бы безусловно натяжкой.

49 Направление письма, как и в финикийском, шло справа налево и, так же, как у финикийцев, было консонантным.

50 О финикийском источнике греческого письма упоминает Геродот: «Финикияне... прибыв в Элладу с Кадмом, ...принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность, ранее, я думаю, неизвестную эллинам»⁴⁷, «и мне самому приходилось видеть в святилище Аполлона Исмения в беотийских Фивах кадмейские письмена, вырезанные на треножниках»⁴⁸. Говоря об алфавите, принесенном эллинам Кадмом, Геродот называет буквы *kadmou tyroi* и *kadmou grammata*⁴⁹. Эти отпечатки существующего так, как его понял и увидел Кадм, стали первыми европейскими буквами.

51 Можно сделать вывод, что кадмейское (финикийское) письмо в этот период, которого сам Геродот не застал, выполняло сакральные функции – по крайней мере, Геродот не приводит других свидетельств на этот счет. До ранней «греко-финикийской системы», если следовать Геродоту, греки не имели письма.

52 Длительное отсутствие алфавита у греков подчеркивает и Иосиф Флавий: «греки поздно и не без труда усвоили... науку письма»⁵⁰. В «Иудейских древностях» приводится рассказ о греческом письме «с другой стороны» - Иосиф Флавий, будучи человеком эллинизированного мира, пишет о греках не как природный грек, каким был, например, Геродот, а как человек, вовлеченный в орбиту «гречества», пересказывая греческий мир на свой лад и обнаруживая нелогичность традиционно греческого (и потом грекофильского) аргумента «от древности»: «потому-то все те, кто желает доказать преимущественную древность в использовании его (письма), заявляют, что научены этому от финикиян и Кадма. Однако никто не может указать ни единой надписи, сохранившейся хотя бы с того времени – ни в храмах, ни в общественных пожертвованиях, и даже о тех, кто в продолжение стольких лет воевал под Троей, впоследствии встал весьма трудноразрешимый вопрос, пользовались ли они буквами»⁵¹. Иосиф Флавий, таким образом, опровергает Геродота – и одновременно проводит знак равенства между посвятельными и жертвенными надписями и записью деяний, т. е. историей, которая, будучи поставлена в один ряд с сакральными текстами, тоже воспринимается как сакральная – посвятельная – надпись.

53 Далее Иосиф Флавий, приводя тот же аргумент от древности, но уже в «свою» пользу, подчеркивает: «самые ранние попытки написания истории – я имею в виду Кадма Милетского, Акусилая Аргосского и некоторых других... - не на много опередили по времени вторжение персов в Элладу»⁵². Возможно, имеется в виду Кадм Милетский, младший современник Орфея, полубогатый греческий историк (логограф), упоминается в Суде, византийском энциклопедическом словаре X в., там говорится, что одной из его заслуг является трансляция в Грецию финикийского алфавита. (Изобретение греческих букв приписывается также Кадму Фиванскому.) Акусилай Аргосский – тоже логограф, его тексты практически не дошли до нас, однако интересно, что Климент Александрийский в «Строматах» относит его к числу семи мудрецов⁵³. Так в полемической фразе Иосифа Флавия сталкиваются два подразумевающих друг друга начала – история и письмо.

54 А пока, перефразируя Иосифа Флавия, «возьмем в свидетели письменность».

55 Финикийское консонантное письмо, принесенное Кадмом, было для греков не вполне удобным – возможно, потому, что греческие аффиксы состоят из согласных и гласных, и, чтобы различить форму слов, необходимо было, чтобы внешний вид слова включал в себя согласные и гласные на равных правах⁵⁴.

56 Как обычно считается, около IX в. до Р.Х. гласные, частью произошедшие из *matres lectionis*⁵⁵, стали занимать свои места в строке. Однако в целом письмо еще имеет приближенный к финикийскому вид. Процесс продолжался примерно до VII в. до Р.Х. Направление письма в архаический период сохраняется справа налево, также употребляется бустрофедон.

57 По разным легендам, изобретение букв приписывалось Паламеду, Прометею, Орфею, Мусею, Кекропсу, поэтам Эпихарму и Симониду Кеосскому, Кадму Фиванскому (или Милетскому).

58 Храбр пишет об этом так (и это снова аллюзия к схолии Кометоса)⁵⁶: Паламед⁵⁷ изобрел первые 16 букв, потом еще три буквы – Кадм из Милета⁵⁸, две буквы – Симонид⁵⁹, Эпихармий-толкователь⁶⁰ прибавил три, а потом, через много лет, Дионисий Грамматик придумал дифтонги⁶¹, свой вклад внесли Акила и Симмах⁶².

59 Храбр, рассказав историю греческого письма, резко отбрасывает его: а славянский алфавит был сотворен за малое время одним человеком – философом и святым. Этот аргумент, как и довольно неожиданный аргумент малого времени (создание в кратчайшие сроки), является решающим для Храбра.

60 Греческость и славянскость вступают в системные отношения: с одной стороны, ясно, что, будучи частью рассказа о славянском письме, греческие ступени были, и, отбросив их, переводя в нулевой факт, тем не менее, Храбр подчеркивает, что они держат место и цементируют связь частной, молодой славянской грамматики с мировой историей. С другой стороны, имея свое прошлое, рассказанное Храбром как дохристианское прошлое, не ведущее ко Христу и познанию мира в Слове, греческое письмо полагается на арену борьбы. И позднейшее развитие грекофильской традиции подтверждает принцип, заложенный Храбром: агонизм эпохи второго южнославянского влияния сочетается с ощущением греческого как одновременно и пра-формы славянского, одной из ступеней, без которого понимание невозможно, и, с другой стороны, как чуждое, затемняющее смысл, мешающее проникнуть к чистому обоснованию мира⁶³. Похожую картину, впрочем, мы наблюдаем и сейчас в полемике по поводу переводов литургических текстов на современный русский язык. Это необычайно трудная задача, прямо не связанная с особенностями и принципами перевода – тут столкновение историй, диссонанс многоголосия традиций, которые, будучи переданы на современном русском языке, будут утрачены навсегда без должного – исторического, филологического, философского – комментария, и с этим нельзя не считаться.

61 Возможность быть формой – это своего рода печать историчности. Греческий приобрел возможность формы, пройдя через этап койнэ⁶⁴, буквально прошагав с войском Александра от Египта до Индии⁶⁵. До того, как греческий стал формой, одним из мощнейших койнэ древнего мира был арамейский – наследник финикийского письма. Проблема койнэ и проблема двуязычия/диглоссии лежат рядом: только в одном случае речь идет о мультязыковом сообществе, а в другом – о ситуации в пределах одного языкового сознания. Однако грань между обеими ситуациями провести трудно, поскольку мы имеем дело с языковой самоидентификацией, которая далека от научного факта. Так, чаще всего диглоссия

бывает неосознанной⁶⁶, койнэ может восприниматься как часть родной, естественной речи – и доказать говорящему, что его речь – разделенная (как после разрушения башни), невозможно.

62 Если обратиться не к финикийской, а к греческой древности, встает вопрос: какими знаками писали на эллинских территориях до того, как у греков появилось алфавитное письмо на основе финикийского алфавита? Где случилось преткновение традиции, которая обещала дать не греко-финикийское (т. е. не внешнюю парадигму письма), а другое, возможно собственно греческое, письмо?

63 Эгейское письмо – самое древнее на греческих территориях – включает в себя несколько видов письменности. Прежде всего, это критские письменности: иероглифы А и Б и линейное письмо А и Б. Греки-ахейцы, стремительно обосновавшиеся на территории, изначально негреческой, взяли письмо народов, живших на этих землях. Язык догреческого населения неизвестен, от него остались собственные имена (в том числе и имя Одиссей), морские и корабельные термины, а также термины, которые, благодаря позднейшей метафоризации, могут быть отнесены к философским («космос» - ‘украшение’, «уран» - ‘навес’)⁶⁷. Письмом А пользовалось догреческое, «минойское» населения Крита; письмом Б, возникшем из письма А, писали ахейцы, воспринявшие культуру, сформированную догреческими народами. Письмо Б «воспроизводит фонетику греческого (ахейского) языка крайне неточно. Знаки эти передают только открытые слоги (типа гласный или согласный+гласный) и совершенно не приспособлены для передачи чатсо встречающихся в греческом языке слогов с конечными согласными; непригодны были они и для воспроизведения слогов, начинающихся с двух согласных; наконец, одни и те же знаки применялись для слогов с глухими, звонкими и придыхательными согласными (например, t, d, th). Все это доказывает, что ахейцы заимствовали письмо у народа, говорившего на языке, сильно отличающемся от греческого. По-видимому, в языке этом господствовали законы открытых слогов и недопустимости смежных согласных. Благодаря этому слоги легко выделялись их речи, а количество слогов было ограниченным. Эти особенности догреческого населения острова Крит и обусловили развитие критского письма до слоговому пути»⁶⁸. Слоговое начало этого письма (или же слоговое начало все же получено от финикийского?), возможно, преломилось в алфавите этрусков, что впоследствии могло получить выражение в названии латинских (и современных европейских, а также современных славянских) букв, отражающих не консонантную финикийскую, а иную, явно слоговую традицию именования.

64 Что касается языка, который был записан письмом Б, то это в некотором роде «лишь намеки на тот язык, на котором говорили в действительности»⁶⁹ - так же, как в сознании, например, древнерусского книжника существующее знание греческого языка на самом деле *намак* на знание (под знанием языка понималось нечто другое).

65 Линейное письмо на Крите вышло из употребления в результате культурно-географической катастрофы: после извержения вулкана Санторини (Девкалионов потоп⁷⁰). После этого упоминаний о существовании греческого письма как потомка эгейской письменности нет.

66 Так история алфавита с течением столетий приобретает одну прочную линию: его происхождение возводится к Кадму, принесшему грекам финикийские письмена. Греческие историки, рассказывая о письме, невольно сбивают греческие ступени, продвигаясь к собственной истории. Слова К.Ясперса: «история человечества в значительной степени исчезла из нашей памяти» подчеркивают зыбкие очертания Греции в исторической памяти; представления о греческом мире – своего рода «новая медиэвалистика», изучающая представления, смены аспекта, т. е. исторические линзы.

67 Идет война с историей – принять историю невозможно, так же как невозможно

реконструировать Адамов язык как *целый* язык; нам важна борьба с историей как повод приятия себя в мире. «История непосредственно касается нас; все то, что в ней нас касается, все время расширяется. А все то, что касается нас, тем самым составляет проблему настоящего для человека»⁷¹.

68 **Финикийская точка роста**

69 С появлением финикийского алфавита на греческих территориях могло установиться что-то вроде двуязычия: слоговое линейное письмо Б и консонантное финикийское. Известна также финикийско-кипрская билингва, которая являлась посвятителем надписью знатного финикийца Баалрома Аполлону Амиклейскому⁷². Безусловно, любой двуязычие влияет на языковое сознание. В данном случае речь идет об использовании двух алфавитов, что тоже относится к факторам, провоцирующим двуязычие/диглоссию. Смена истоков письма ведет к забвению (если есть историческая память - может существовать и историческое забвение) и поиску обоснования существования своего иным образом: в зависимости от того, какая задача ставится, определенная сфера культуры-донора культурой реципиента стирается как нулевой факт и наполняется необходимым содержанием, как это позднее произошло в грекофильской традиции и как это рассказывается Черноризцем Храбром.

70 Финикийское письмо, как чаще всего считают, консонантное; греческое – консонантно-вокалическое. Обе эти системы, в отличие от идеографии, алфавитные. С финикийской письменности начинается «алфавитный период», что означает некую перемену в самом человеке: меняется его способность мыслить, происходит становление новой ступени самосознания, выделения из мира. Фонетический алфавит ведет к тому, что разрушается цельность восприятия: зрение и слух не соотносятся напрямую, происходит некий разрыв. Можно говорить о том, что сами по себе зрение и слух приобретают другие возможности, меняется нацеленность восприятия – потому что человек занимает иное место в мире.

71 А.Е. Горчаков в статье «Алфавит. Когнитивная версия»⁷³ делает вывод о том, что мир в период 3-2 тыс. до н. э. начинает восприниматься в основном через зрение – т. е. перемены происходят в распределении зрения и слуха, а не в их качестве («с некоторых пор люди начали воспринимать мир через зрение»⁷⁴ - но английское I see говорит именно о понимании, что может свидетельствовать о древней природе слияния зрения и понимания, когда восприятие равно воспринимаемому). На этом исследователем строится «частная» история алфавитного письма: иницирующим фактором создания методологии алфавита было существование людей, для которых главное в их жизни осуществлялось через зрение. В древнем мире это было мореплавание; а финикийцы были мореплавателями, людьми «с обостренным восприятием мира именно через зрение». Но как возможна связь абстрактного знака и рождающегося звука? Точнее, как возможно их разделение в сознании изобретателей алфавита?

72 Итак, первой предпосылкой могла быть трансформация сознания финикийских мореплавателей. Вторая – необходимость записывать имена собственные (причем Горчаков также связывает это с мореплаванием – но это совершенно жреческая функция), а при записи имен письмо тяготеет к алфавитному. Далее следует еще одна фраза – необходимо умение видеть прообраз. И это умение Горчаков снова связывает с финикийским мореплаванием: а именно, встречающиеся явления фата-морганы, которые, несмотря на свою опасность, научили моряков различать во множественном единичное («мысль о том, что образ может существовать отдельно от сущности... не будет представляться невозможной»⁷⁵). Но говоря о финикийских мореплавателях, надо помнить, что «первой морской цивилизацией на Средиземном море была крито-минойская. Возможно, что первые шаги к изобретению фонетического алфавита или даже само изобретение были сделаны на Крите»⁷⁶. Однако

«против предположения об изобретении фонетического алфавита на Крите говорит отсутствие каких-либо сведений о передаче минойцами этого изобретения финикийцам или какому-либо другому народу. Если бы финикийцы научились этой технологии у минойцев, в эпосе скорее всего были бы обнаружены какие-либо следы этого факта». И все же эта ступень давно стерта – лестница, ведущая вверх, открывает теперь только путь к Финикии.

73 Дидактической составляющей алфавита уделяется особенное внимание – передача технологии письма должна быть доступна любому сухопутному финикийцу, поэтому названия букв обыденны и понятны каждому, и по их очертанию можно понять звуковую оболочку⁷⁷. Можно предположить, что научение письму всегда предполагает определенную цель, и если эта цель предполагает торговые и юридические записи, то письмо как методология действительно должно быть доступным; если же цель письма – не деловые тексты, а, к примеру, жреческие, идеологические – то, напротив, возрастает необходимость долгого научения, включающего в себя систему пропедевтики, введение в познание, которую данная система письма способна выразить (так, Черноризец Храбр отказывает гречеству в пропедевтических возможностях – одновременно видя славян наследниками эллинов в том, что касается «словесного»).

74 Таким образом, идеографическая компонента становится необходимой частью письма, и утрата ее совершенно невозможна, пока *scandet cum tacita virgine pontifex*.

75 Три типа письма: идеографическое, слоговое, фонетическое – кажутся порой последовательными этапами развития письменности. Можно предположить, что и слоговая, и фонетическая система письма должны обнаруживать «биграфичность» – и любой алфавит может иметь диахронические идеографические и слоговые черты. Последовательное прохождение эволюции одного письма от идеографии через слоговой этап к фонетической системе невозможно – письменность свернута в свиток. Консонантное финикийское письмо можно, как это делает И. Гельб, трактовать как слоговое с невыраженными гласными⁷⁸. (Тогда существование гипотетического двуязычия подкрепляется двумя слоговыми системами письма, что, возможно, существенно проще, чем совмещенные графики с различными принципами, как консонантное и слоговое письмо).

76 Как финикийское письмо оказалось в Греции? Интересно, что «не греки прибыли на побережье Азии, чтобы позаимствовать у семитов систему их письма: таким путем письменности никогда не переходят от народа к народу. Это сами финикийцы, наводнив весь греческий мир своими торговыми факториями, принесли грекам свое письмо»⁷⁹. Здесь налицо не развернувшаяся ситуация субстрата: как минойская цивилизация, соприкоснувшись с ахейским потоком, оставила в нем лексический след. Интересно, что в грекофильской традиции греческое начало становится одновременно и субстратом, и суперстратом, что и рождает возможность агоничности.

77 Вернемся к дидактическому началу. Кадм, принадлежащий к царскому роду, владел финикийским письмом и был способен научить ему. Но если речь идет о древнем царском роде, то священная функция письма была приоритетной, а стало быть, письмо, даже будучи алфавитным, сохраняло идеографичность. (И греки, возводя историю своего письма к Кадму, также претендовали на то, что письмо как священное начало несет в себе мощный гносеологический посыл – и об этом же пишет Храбр, но он, стирая значимость (даже скорее «значительность» – бибихинское слово) греческого письма, ставит славянское письмо на место греческого, и тут быть наследником греческой традиции значит буквально встать на след.)

79 Итак, Кадм передал грекам возможность алфавитного письма. Эта возможность предполагала использование письменности как записи знания – и как его основы, и это стало частью рассказа – мифа – о письме. Любая письменность должна иметь свое начало, которое, естественно, связывается со святостью, потому что письмо священо, как священна история. «Миф о создателе письма – часто последний миф», которым «завершаются мифопоэтические традиции»⁸⁰. Письмо – разновидность исторического нарратива, введение в историю, которая, пока живет рассказ о письме, неотделима от гносеологии. Поднимаясь по лестнице познания, мы видим (знаем) только те ступени, которые ведут вперед - хотя сам рассказ всегда говорит о прошлом: историческая перфектность всегда направлена вперед, будучи целью и обоснованием мира.

80 Рассказ о Греции как событии, исходной ценности каждый раз меняет форму, поскольку меняется точка отсчета, преобразованная в нулевой факт, который наполняется содержанием исходя из нацеленности рассказчика. Начало отстывает, «чем подробнее описывается история возникновения (“генезис”) и развития (“эволюция”) чего бы то ни было... тем менее определенным становится *то самое*, историю возникновения чего мы собирались рассказать»⁸¹. Начало невозможно ухватить, точнее, начало – в нас самих, и мы сами несем в себе прошлое, которое видится как будущее; «история возникновения поэтому всегда разворачивается *назад*, исходя из того, что *уже* произошло»⁸², поэтому так легко смотрится версия с подаренным Кадмом алфавитом, незаметно и стремительно отбрасывается Храбром греческая ткань письма и рассказ о славянском письме изящно переключается на финикийскую тему, и мы взбегаем вслед за книжниками к своему прошлому, не замечая, что обратного пути нет и ступени осыпаются вниз с каждым шагом.

81 Греция, «греческость» утрачивается снова и снова с каждым рассказом о ней, за словами все больше и больше не-сказанного – но это не повод не говорить: остается возможность ее переживания, реконструкции, совершающейся в соработничестве памяти, интерпретации и традиции. В каждом новом рассказе оживают возможности слова (в котором слышится отзвук языка Адама), и это слово отражает нас, нашу эпоху и наш повод, нашу нацеленность к осмыслению мира как цепи событий, сообщая возможность присутствия в истории.

82 Вопрос не в том, существовал ли Кадм или чем завершилась моравская миссия св. равноап. Мефодия и Кирилла – вопрос в том, что становится историей, т. е. о чем можно и должно сказать или умолчать (каждый шаг рассказа – выбор себя).

83 Осевое время скрыло Грецию с ее древними письменностями и богами, оставив то, что становится похоже на медиевализтику.

84 «Историческое событие – всегда событие мира»⁸³ - и в этом смысле границы рассказа истории, устанавливаемые Черноризом Храбром, который, зачеркивая неправду создавшегося греческого образа, стремился увидеть лик истории, утверждают тождество вечности и новизны для нового Адама. Человек изменился во времени, он не узнает себя в прошлом – и «греческость» как форма стала другой, и теперь это заметно, и уже невозможно жить с «той» Грецией; отсюда возникает агоничность как непрерывное рихтование и идентификация себя. В мучительном и радостном изменении человека – его настоящесть, существование в настоящем, и в новом – радость узнавания себя настоящего. За этого настоящего и борется Храбр, разбирая прошлое и вынимая из него то, чего не может вобрать в себя новый Адам. «Человек – другой по своему существу»⁸⁴, он измеряет и узнает себя в соответствии с новым временем, и это особенно ярко проявляется в грекофильской парадигме как необходимость присутствия человека в его слове об истории.

Remarks:

1. Один из самых ярких представителей преславской переводческой школы, созданной при поддержке болгарского царя Бориса I и позднее Симеона I. Преславская школа существовала с 886-го по 972 г., когда она была сожжена по распоряжению Иоанна I Цимисхия.

2. Агоническое, или «агональное» как термин, связанный с самим существом греческой культуры, ввел Я. Буркхард; его использует Хейзинга в «*Homo Ludens*». Считается, что агоничность, или агоничность, исчезла из эллинского менталитета после отмены игр императором Феодосием I в 394 г., однако, благодаря новозаветным текстам и христианской гимнографической традиции, латентно несущей древнее эллинство, Греция «не престала», войдя в состав ортодоксальной традиции – передаваемого, но не узанного начала.

3. Текст цитируется по наиболее раннему из сохранившихся Московскому списку (РГБ ф. 173.I, № 145, лл. 379-382 об.). Л. 379.

4. Существует мнение, что эти славянские руны имели иранское происхождение и направление письма слева направо (см.: *Dobrev P. Universum protobulgaricum. V.1. Inschriften und Alphabet der Urbulgaren. Sofia: Orion, 1995. 143 p.*).

5. См.: *Истрин В.А. Дохристианская письменность славян // Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965. С. 442-466. См. также: Ковалевский А.П. О степени достоверности Ибн Фадлана // Исторические записки. 1949. Т. 35. С. 265-293.*

6. Мерзбургский епископ в 1009-1018 гг., историк эпохи Оттонов, автор хроники в восьми частях, охватывающей события 908-1018 г. Вопрос о рюгенских славянах и их письменности также относится к числу спорных. О надписях см.: *Истрин В.А. Указ. соч.*

7. Краткий обзор славянской дохристианской письменности см.: *Комарова М.В. Дохристианская письменность у славян // Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. Конф. Слав. языки и культура. История и современность. СПб., 27 апреля 2016 года. Сб. тр. СПб., 2017. С. 37-49. О рунической письменности см.: *Максименкова А.М. О некоторых аспектах алфавитных систем // Вестник ИГЛУ. 2012. С. 91-91 (всего - С. 88-92).**

8. И это очень близко к *archi-écriture*, пра-письму Ж.Деррида.

9. Биграфичность в греческом языке проявляется, например, в отношении пифагорейцы vs Аристотель (Метафизика 1093a 15-30). Ср. А.Л. Савельев: «По сообщению Аристотеля, отдельным буквам и всему порядку алфавита пифагорейцы придавали особые, мистические свойства... В представлении пифагорейцев, греческая 24-буквенная система алфавита являла собой некое мистическое совершенство, практически тождественное гармонии небес»; Демокрит уподобляет атомы буквам: «как из букв можно составить любое слово, так и из атомов составляются все вещи. Демокрит иллюстрирует способы соединения атомов «примерами букв», повороты и трансфигурации букв похожи на повороты атомов (*Савельев А.Л. История идеи универсальной грамматики (с древнейших времен и до Лейбница). СПб: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С.47).* А.Л. Савельев обобщает названия – интерпретации - букв, приводимые Платоном в «Кратиле».

10. Три отрывка на древнесловенском языке, написанные латиницей, входят в состав рукописи, датированной X-XI вв. Славянский текст, более древний, списан с утраченного протографа.

11. *Бодянский О.* О времени происхождения славянских племен. М., 1855. С. 13-14; *Успенский П.* Восток христианский. Ч. III. Киев, 1877. С. 311. *Обнорский С.П.* Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. Вып. V-VI. М.-Л., 1936. С. 403.

12. Л. 379.

13. Л. 379 об. Далее следует «аргумент от финикийцев», который хотя и используется не в пользу греков, напротив, очень греческий – это то же пространство агона. Так что, размашисто стесывая очередную ступень «гречества», Храбр мыслит вполне в рамках грекофильской традиции.

14. Б.Н. Флоря в комментариях к трактату сообщает, что этот отрывок – рассказ о создании греческого алфавита - взят из схолии к Грамматике Дионисия Фракийского. Составителем схолии, возможно, был Кометос, ученый из Константинопольского университета (приводится ссылка на: *Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку отделения языка и словесности Академии наук. Т. I. СПб.: Типография Императорской АН, 1886. 793 с.)*

15. Символическое толкование буквы – отголосок идеографической картины буквенного ряда, которая также не случайна, а входит в комплекс внутренней формы языка. Эта та метафизика грамматики, которая обычно ускользает, то растворяясь в жесткой среде позитивистски ориентированного языкознания, то компрометируя себя околонучными дискуссиями в интернете. Названия – имена – букв рассказывают свою историю, формируя жизненный мир и становясь средством познания мира (письмо как след телеги, ведущей к деревенскому дому). О названии буквы «алеф» см.: *Немировская А.В., Сушецкий А.Г. О египетском происхождении названий и начертаний западно-семитских консонантных графем на примере буквы алеф: филологический и исторический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер.9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 4. С.*

16. Л. 380. Это также заимствование из схолии Кометоса к грамматике Дионисия Фракийского с небольшим изменением. Если Кометос пишет, что альфа была дана человеческому роду (интересно: богоданная буква со значением «поиск», открывающая алфавит), то Храбр переиначивает этот отрывок с заменой «человеческого» (т. е., конечно, греческого) рода на род славянский. См. *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 179.

17. Ср. азбучные молитвы – крестообразные и акрофонические.

18. О кресте, открывающем алфавитный ряд в латыни, староанглийском и французском языках, см. интересную статью: *Безрогов В.Г., Тендрякова М.В.* Под местными небесами. Английский позднесредневековый букварь из собрания Д. Плимптона. С. 30-34 и след. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 4 (13). С. 23-39.

19. См.: *Живов В.М.* История языка русской письменности. В 2 т. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2017. С. 15-162.

20. Указ. соч. С. 150.

21. «Религиозная значимость правильной процедуры обучения чтению рельефно выступает в сирийском житии несторианского патриарха Ишоюба III (конец VI в.). Рассказанная здесь история связана с той же регламентацией обучения, которую мы находим и в славянских источниках, и это позволяет предположить, что мы имеем здесь дело с единой восточнохристианской (восточносредиземноморской) традицией, основанной на общем понимании символизма азбуки и важности внятного чтения. В житии рассказывается об обращении в христианство перса Ишосабрана. Священник, к которому пришел Ишосабран, дал ему в наставники юношу. Ишосабран спросил юношу, как следует начинать учебу: “Что именно положено правильно человеку учить прежде всего?” Юноша ответил: “Буквы, конечно, учит человек прежде, затем слоги и после того читает псалмы и постепенно читает все писание. Когда выучится чтению писания, послед этого приступает к толкованию”. На это Ишосабран возразил: “Бесполезно мне учить буквы, прочти мне десять псалмов”. Юноша пытался отговорить его, объясняя, что напрасно он хочет выучить писание путем “бормотания”, “подобно магам”, как магический текст; первым шагом должно быть изучение букв (т. е. чтение по складам). Ишосабран, однако, упрямился и начал заучивать тексты наизусть, произнося каждое слово “с силой” и повторяя их, “качая шеей наподобие магов”. Юноша запретил ему это, сказав: “Не делай, как поступают маги, но спокойно говори, только своими устами, и так в короткое время запомнишь много слов”» (*Живов В.М.* С. 153-154. Примеч. 76.) Сирийцы – наследники финикийской традиции в той же степени, что и славяне, стесавшие ступени, взбираясь по эллинскому дереву.

22. Здесь Живов ссылается на *Marrou H.I.* Histoire de l'éducation dans l'antiquité. 5 éd. Paris: Éditions du Seuil, 1960).

23. Л. 380. Интересен следующий факт: конфликт, описанный Храбром, был перенесен болгарским историческим сознанием в XIX в. в то время, когда особого накала достигла «борьба болгарского народа против греческого фанариотского духовенства за право богослужения на славянском языке»; территория, где, возможно, возник текст – Первое болгарское царство, и «под впечатлением этих особенностей конфликт, вызвавший к жизни сочинение Храбра, воспринимался как конфликт между защитниками славянской письменности, продолжателями дела Кирилла и Мефодия, и прибывшим после крещения в Болгарию византийским духовенством, которое, как немецкое духовенство в Моравии, стремилось к тому, чтобы греческий язык занимал положение главного, господствующего языка культуры и богослужения, а греческая азбука была единственным возможным видом письма» (*Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. 198 с. С. 57).

24. Епископ Киррский; экзегет, богослов, историк, автор «Истории церкви», толкований на книги Ветхого Завета и многих других сочинений; жил в конце IV – первой половине V в. Сирийский язык был для него родным, на греческом он писал свои труды.

25. *Феодорит Киррский.* Толкование на книгу Бытия. Вопрос 61.

26. Там же. Вопрос 62.

27. *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 185.

28. См.: *Трифуневич Дж.* «Вавилонска кула» и схватанье језика у старој српској книжевности // Книжевна историја. XVII. 67-68, 1985 (Cirillica-beograd.rs (запрос от 15.08.2019))

29. Там же.

30. *Бибихин В.В.* Язык философии // *Бибихин В.В.* Мир. Язык философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с. С. 172. Остается как некое всеобщее жажда нулевой формы – но она невозможна, потому что ноль раскалывает бесконечность, не достигая вечного начала.

31. Ср. поиски единого философского языка Ф. Бэкона, Р. Декарта, как и «Всеобщая универсальная грамматика» К. Лансло и А. Арно (Грамматика Пор-Рояля) и формализованный язык В. Лейбница основывались на пережитом опыте Вавилонского разъединения (и порыв к абсолютной ясности логического позитивизма, так похожий на бегство от реальности).

32. По словам Феодорита Киррского (Толкование на книгу Бытия, вопрос 1), словом «сый» выражается вечность.

33. Биbihин В.В. Там же.
34. Там же. С. 171.
35. Там же.
36. «Древнееврейский объявлялся первоязыком не как таковой, а как избранный Богом», пишет Биbihин. И, к примеру, арабский в этом смысле признается первоязыком в исламской традиции.
37. Матвеевко В.А. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола): Рус. текст, коммент., указ. / Вера Матвеевко, Людмила Щеголева. М.: Богородицкий печатник, 2000. 541 с. С. 61.
38. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Худож. лит-ра, 1978. С. 106.
39. Сагарда А.И. Древнесирийская церковная литература. СПб., 2004 (www.odinblago.ru; запрос от 15.08.2019).
40. Успенский Б.А. Вопрос о сирийском языке в славянской письменности: почему дьявол может говорить по-сирийски? // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. 688с. С. 59-64.
41. Л. 381.
42. Флоря приводит точку зрения И.С. Дуйчева, который ссылается на «Тактикон» Льва VI, где сказано, что отец Льва VI, император Василий I Македонянин «склонил славян оставить свои обычаи и сделал их греками» (Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 18).
43. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 19.
44. О предшественниках Кирилла и Мефодия Б.Н. Флоря дает ссылку на: *Havránek B. Die Anfänge der slavischen Schrift und der geschriebenen Literatur in der grossmährische Reich. Prag, 1962. S. 105.*
45. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 28 (приведена ссылка на: *Zagiba F. Das Geistleben der Slaven im frühen Mittelalter. Wien, 1971.*)
46. Л. 380. Храбр упоминает здесь т. н. финикийский, или ханаанский (западно-семитский) алфавит.
47. Геродот. История. 5, 58. (*Геродот. История. Ленинград: Наука, 1972. Перев. и примеч. Г.А. Стратановского.*) Этот мотив, более развернутый, есть и в «Метаформозах» Овидия (книга 3; в пересказе Н.А. Куна): «Когда Зевс под видом быка похитил Европу, опечалился ее отец, царь Сидона, Агенор. Ничто не могло его утешить. Он призвал трех сыновей своих – Фойникса, Киликса и Кадма – и послал их отыскивать Европу. Он запретил своим сыновьям возвращаться домой без сестры. Отправились сыновья Агенора на поиски. Фойникс и Киликс скоро покинули Кадма. Они основали два царства: Фойникс – Финикию, А Киликс – Киликию, и остались в них» (*Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Гос. Уч.-пед. Изд-во МП РСФСР, 1987. 455 с. С. 122.*)
48. Там же.
49. Там же. 5, 59.
50. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа // *Филон Александрийский. Иосиф Флавий. Трактаты / перевод с древнегреческого и комментарий Д.Е. Афиногенова, А.В. Вдовиченко, А.Б. Ковельмана, О.Л. Левинской, Л.В. Семенченко. М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2017. 336 с. С. 133.*
51. Ср. *Геродот.* Там же.
52. *Иосиф Флавий.* Указ. соч. С. 134.
53. Str. I. 4, 59, 5. Эта ссылка приведена у А.Ф. Лосева в: *Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. Ч. 2. Теогония и космогония. VI в. М.: Мысль, 1996. С. 702.*
54. «Три богини судьбы, или, как некоторые говорят, сестра Форонея Ио, изобрели пять гласных и три согласные В и Т; Паламед, сын Навплия, изобрел остальные одиннадцать согласных, а Гермес перевел эти звуки в буквы, придав им клинообразную форму потому, что журавли летят клином, и именно они принесли клинопись из Греции в Египет. Это был алфавит пеласгов, который Кадм позднее вернул в Беотию, а аркадец Эвандр, из рода пеласгов, распространил его в Италии, где его мать Кармента создала всем известный латинский алфавит из пятнадцати букв»; «... другие согласные были добавлены самосцем Симонидом и Эпихармом Сицилийским, а две гласные – долгое О и краткое Е – были введены жрецами Аполлона – вот почему каждой из семи струн его священной лиры соответствует одна гласная»; «первой из восемнадцати букв была альфа, потому что alpha означает ‘честь’, а “alphaínein” – “изобретать”, и еще потому, что Алфей – самая известная река; более того, хотя Кадм и поменял порядок букв в алфавите, он оставил “альфу” на прежнем месте, так как alpha на языке финикийцев означает “бык”, а Беотия известна как страна быков» (Грейвс приводит ссылки: Гигин Мифы 277; Исидор Севильский. Начала VIII. 2, 84; Филострат. Диалог о героях. X. 3; Плиний. Естественная история VII. 57; Схолии к «Илиаде» Гомера XIX. 593; Плутарх Застольные беседы IX. 3);

55. «Матери чтения» - изначально считающиеся согласными буквы, которые позднее в консонантном письме начинают помогать различать гласные. А.В. Немировская и А.Г. Сущевский считают, что «использование консонантных графем в качестве “гласных” букв не было ни ханаанской, ни эллинской новацией, а имело предысторию в виде египетской писцовой практики 2-й пол. II тысячелетия до н. э.» (*Немировская А.В., Сущевский А.Г. Указ. соч. С. 25*). Первыми *matres lectionis* были вав и йод, в то время как алеф обозначал исключительно согласный до III-II в до н.э. (Кумранские рукописи), и это, как пишут авторы, произошло уже под влиянием греческой системы письма.

56. См.: *Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 185*.

57. Часто упоминаемый Паламед - участник троянской войны. Изобрел, по свидетельству Плиния и Плутарха, несколько букв и числа (о четырех буквах упоминает Плиний Старший в *Естественной истории* (VII 192); об этом же пишет Плутарх (*Застольные беседы IX 3, 2A*); Паламеду же приписывают изобретение чисел.

58. Несмотря на то, что Храбр указывает прозвище Кадма – Милетский, неясно, о каком Кадме, Милетском или Фиванском, идет речь.

59. Поэт, гимнограф (557-468 гг. до н.э.). Ему приписывается изобретение букв кси и пси.

60. Эпихарм из Сиракуз (ок. 540-450 гг. до н.э.) – поэт, входивший в число Семи мудрецов. Считается изобретателем акростиха; этот прием он использовал в своих сочинениях.

61. Л. 381. В тексте *Грамматики Дионисия Фракийского*, отмечает Б.Н. Флоря, хотя и приводятся шесть дифтонгов, однако не указывается, что Дионисий был их изобретателем. Возможно, имя Дионисия добавлено Храбром, «чтобы число создателей греческого алфавита равнялось семи» (*Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 185*).

62. Акила (Аквила Синопский, или Понтийский) и Симмах Эвионит - переводчики Ветхого Завета (об этом упоминает Иероним). Они, пишет Храбр, «доделывали» много раз греческие письмена – возможно, в этом «доделывании» речь идет об акценте, сделанном на необходимость доработки перевода LXX. Включенность переводчиков в дело создания алфавита (ведь речь в трактате Храбра идет прежде всего об истории письма) поддерживает и дополняет тему понимания как необходимую часть нормально функционирующей системы письма. В список переводчиков не включен еще один – Феодотион.

63. Рядом с этой темой лежит еще одна проблемная область: (не)знание греческого языка в Древней Руси. Эпоха второго южнославянского влияния, ключевая для грекофильской традиции в славянском мире, показывает, что знание греческого подразумевалось, греческий существовал имплицитно как форма славянского, иногда идеальная, иногда, напротив, затемненная. Но что именно подразумевалось под знанием греческого языка – порой неясно, складывается впечатление, что греческий был формой, пространством славянского языка, даже более – его обоснованием и возможностью функционирования; на этом основании можно говорить о несобственном греко-славянском двуязычии.

64. Интересно, что слово «койнэ» в трудах Аполлония Дискола имело значение «протогреческого языка» - таким образом «прошлое» снова смыкается с «будущим», которые, если понимать койнэ как прогрессивное существование новой, высоко коммуникативной формы языка, образуют некое поле натяжения. Что касается койнэ как формы – в ней кристаллизуется возможность языка распасться и собираться, реализуя *целое*. В пределах койнэ точно так же, как и в «нормальном» языке, существуют разные функциональные стили, диалекты, частные языки (например, новозаветное койнэ). О койнэ см., напр.: *Вдовиченко А.В. Концепция Ф. де Соссюра в интерпретации специфики новозаветного текста // Вестник ПСТГУ. III. Филология. 2012. Вып. 4(30). С.7-25*.

65. Александр Македонский принес как форму греческий язык на персидские территории, его учителя обучили около 30 000 молодых персов из знатных семей греческому языку и военной науке. В великих походах рядом с Александром были географы, историки, которые записывали все происходящее и узнавали культуру встречавшихся на пути народов. (Греческий язык использовался при Селевкидах; в качестве языка торговли греческий служил на протяжении всего Парфянского периода. Одновременно как койнэ существовал и арамейский.)

66. Пример Фергюсона, доказывающий «несуществование» низкого стиля для носителя арабского языка см.: *Живов В.М. Указ. соч. С. 56 и след.*

67. Об этом см.: *Откупщиков Ю.А. Догреческий субстрат. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 267 с.*

68. *Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М.: Либроком, 2014. 620 с. С. 207-208.*

69. *Фридрих И. История письма: пер. с нем./ Под ред., с предисл. и коммент. И.М. Дьяконова. М.: ЛКИ, 2010. 464 с. с 90.*

70. «Густо населенный мифологический мир древнегреческих героев имел для эллинов точноотмеренное начало – так называемый Девкалионов потоп. Все, происходившее ранее, как бы терялось в тумане», и у человечества, появившегося от Девкалиона и Пирры, оставленных богами в живых, родились не только поколения эллинов, но началась «сама эллинская история, в которую вписывались герои» со всеми их деяниями и подвигами (*Ильинская Л.С. Девкалионов потоп // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 183*).

71. *Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1944. С. 274.*

72. Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков / Пер. с нем. и предисл. И.М. Дунаевской. Под ред. и с прил. И.М. Дьяконова. М.: Либроком, 2009. 208 с. С. 131.
73. Горчаков А.Е. Алфавит. Когнитивная версия // Вестник Моск.ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 7. С. 3-24.
74. Там же. С. 13.
75. Там же. С. 15.
76. Там же. С. 16.
77. Там же. С. 17.
78. В то же время, как считает И. Фридрих, не было периода в греческой письменности, когда гласные бы не обозначались (Фридрих И. История письма. М., 2008. С. 128), а выдающийся ассориолог И. Гельб считает, что финикийское письмо (как и египетское), является по сути слоговым, в котором не фиксируются гласные (Гельб И. Указ соч. с. 18). О слоговой природе финикийского алфавита пишет и Вяч. Вс. Иванов (Иванов В.В. Фонема и письмо в древней культуре и их связь с атомизмом // Вопросы философии. М.: ИФРАН. 2014. № 6. С. 29-38).
79. Гельб И. Е. Опыт изучения письма: Основы грамматиологии / Пер. с англ.; Под ред. и с предисл. И.М. Дьяконова. 2-е изд., стереотипное. М., 2004. С. 173.
80. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с. С. 69.
81. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с. С. 44.
82. Там же.
83. Биbihин В.В. Мир // Биbihин В.В. Мир. Язык философии. СПб, Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с. С. 96.
84. Там же.

References:

1. RGB f. 173.I, ¹ 145, ll. 379-382 ob.
2. Ahutin A.V. Antichnye nachala filosofii. SPb.: Nauka, 2007. 784 s.
3. Bezrogov V.G., Tendryakova M.V. Pod mestnymi nebesami. Anglijskij pozdnesrednevekovyj bukvar' iz sobraniya D. Plimptona. S. 30-34 i sled. // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2013. ¹ 4 (13). S. 23-39.
4. Bibihin V.V. Mir. YAzyk filosofii. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 448 s.
5. Bodyanskij O. O vremeni proiskhozhdeniya slavyanskih plemen. M., 1855. S. 13-14.
6. Vdovichenko A.V. Konceptiya F. de Sossyura v interpretacii specifiky novozavetnogo teksta // Vestnik PSTGU. III. Filologiya. 2012. Vyp. 4(30). S. 7-25.
7. Gel'b I. E. Opyt izucheniya pis'ma: Osnovy grammatologii / Per. s angl.; Pod red. i s predisl. I.M. D'yakonova. 2-e izd., stereotipnoe. M., 2004. S. 173.
8. Herodot. Istoriya. Leningrad: Nauka, 1972. Perv. i primech. G.A. Stratanovskogo.
9. Gorchakov A.E. Alfavit. Kognitivnaya versiya // Vestnik Mosk.un-ta. Ser. 7. Filosofiya. 2010. ¹ 7. S. 3-24.
10. ZHivov V.M. Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti. V 2 t. T. 1. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke. 2017. S. 15-162.
11. Grejvs R. Mify Drevnej Grecii / Per. s angl. K.P. Luk'yanenko; Pod red. i s poslesl. A.A. Taho-Godi. M.: Progress, 1992. 620 s. S. 142-144.

12. Ivanov V.V. Fonema i pis'mo v drevnej kul'ture i ih svyaz' s atomizmom // Voprosy filosofii. M.: IFRAN. 2014. ¹ 6. S. 29-38.
13. Iosif Flavij. O drevnosti evrejskogo naroda // Filon Aleksandrijskij. Iosif Flavij. Traktaty / perevod s drevnegrecheskogo i kommentarii D.E. Afinogenova, A.V. Vdovichenko, A.B. Kovel'mana, O.L. Levinskoj, L.V. Semenchenko. M.; Ierusalim: Mosty kul'tury/Gesharim, 2017. 336 s.
14. Istrin V.A. Dohristianskaya pis'mennost' slavyan // Vozniknovenie i razvitie pis'ma. M.: Nauka, 1965. S. 442-466.
15. Kalajdovich K.F. Ioann, ekzarh Bolgarskij. Issled., obnimayushchee istoriyu slovenskogo yazyka i lit-ry IX i X st. M.: Izd-vo Tipografiya Semena Selivanovskogo, 1824. 240 s..
16. Kovalevskij A.P. O stepeni dostovernosti Ibn Fadlana // Istoricheskie zapiski. 1949. T. 35. S. 265-293.
17. Komarova M.V. Dohristianskaya pis'mennost' u slavyan // Leningradskij gos. un-t im. A.S. Pushkina. Konf. Slav. yazyki i kul'tura. Istoriya i sovremennost'. SPb., 27 aprelya 2016 goda. Sb. tr. SPb., 2017. S. 37-49.
18. Kun N.A. Legendy i mify Drevnej Grecii. M.: Gos. Uch.-ped. Izd-vo MP RSFSR, 1987. 455 s.
19. Losev A.F. Mifologiya grekov i rimlyan. CH. 2. Teogoniya i kosmogoniya. VI v. M.: Mysl', 1996. S. 702.
20. Maksimenkova A.M. O nekotoryh aspektah alfavitnyh sistem // Vestnik IGLU. 2012. S. 88-92.
21. Mechkovskaya N.B. YAzyk i religiya. M.: FAIR, 1998. 352 s.
22. Nemirovskaya A.V., Sushchevskij A.G. O egipetskom proiskhozhdenii nazvanij i nachertanij zapadno-semitskih konsonantnyh grafem na primere bukvy alef: filologicheskij i istoricheskij aspekty // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. ZHurnalistika. 2015. ¹ 4. S. 17-34.
23. Obnorskij S.P. YAzyk dogovorov russkikh s grekami // YAzyk i myshlenie. Vyp. V-VI. M.-L., 1936. S. 403.
24. Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Nachalo russkoj literatury. XI nachalo XII veka. M.: Hudozh. lit-ra, 1978. S. 106.
25. Savel'ev A.L. Istoriya idei universal'noj grammatiki (s drevnejshih vremen i do Lejbnica). SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 380 s. Savel'ev A.L. Istoriya idei universal'noj grammatiki (s drevnejshih vremen i do Lejbnica). SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 380 s.
26. Sagarda A.I. Drevnesirijskaya cerkovnaya literatura. SPb., 2004 (www.odinblago.ru; zapros ot 15.08.2019).
27. Skobelev M.A. Znachenie perevodov Akily, Simmaha i Teodotona dlya cerkovnoj ekzegezy // Ezhegodn. Bogoslovskaya konferenciya PSTGU. M.: PSTGU, 209. ¹ 19. T. 1. S. 170-176.
28. Uspenskij B.A. Vopros o sirijskom yazyke v slavyanskoj pis'mennosti: pochemu d'yavol mozhet govorit' po-sirijski? // Uspenskij B.A. Izbrannye trudy. T. II. YAzyk i kul'tura. M.: Gnozis, 1994.

688s. S. 59-64.

29. Otkupshchikov YU.A. Dogrecheskij substrat. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 267 s.
30. Fridrih I. Istoriya pis'ma: per. s nem./ Pod red., s predisl. i komment. I.M. D'yakonova. M.: LKI, 2010. 464 s.
31. Istrin V.A. Vozniknovenie i razvitie pis'ma. M.: Librokom, 2014. 620 s.
32. Il'inskaya L.S. Devkalionov potop // Voprosy istorii. 1982. ¹ 1. S. 183.
33. YAspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Respublika, 1944. S. 274.
34. Uspenskij P. Vostok hristianskij. CH. III. Kiev, 1877. S. 311.
35. Florya B.N. Skazanie o nachale slavyanskoj pis'mennosti. M.: Nauka, 1981. 200 s.
36. Fridrih I. Deshifrovka zabytyh pis'mennostej i yazykov / Per. s nem. i predisl. I.M. Dunaevskoj. Pod red. i s pril. I.M. D'yakonova. M.: Librokom, 2009. 208 s.
37. YAgich I.V. Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoj i russkoj stariny o cerkovnoslavyanskom yazyke // Issledovaniya po russkomu yazyku otdeleniya yazyka i slovesnosti Akademii nauk. T. I. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj AN, 1886. 793 s.
38. Trifunovich Dzh. «Vavilonska kula» i skhvatan'e jezika u staroj srpskoj knizhevnosti // Knizhevna istorija. XVII. 67-68, 1985 (Cirillica-beograd.rs (zapos ot 15.08.2019))

Образы «негрекофильской» истории Черноризца Храбра

Гусева А. А.

Институт философии РАН

Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12 с. 1

Аннотация

Трактат «О письменах», написанный в XI в. Черноризцем Храбром, представляет собой исторический нарратив, доказывающий необходимость и возможность существования славянского письма с помощью аргумента «преемственности от начала», которым, вопреки ожиданиям, оказывается не греческое письмо, а «сирийское», то есть финикийское. Храбр рассказывает историю алфавита как историю славянского народа в контексте всемирной истории.

Сосуществование в докирилловский период двух алфавитов, профанного и магического, ни один из которых не годился для рассказа об истории христианского народа, привело к необходимости изобретения письма святым Кириллом Философом. После создания нового алфавита появилась возможность говорить об истории – любая история начинается с поиска точки отсчета, и такой точкой для Храбра стал «сирийский», то есть финикийский, язык с его отсылкой к нулевой точке: сирийский язык в средневековых текстах предстает как райский язык, язык начала мира. Греческий же культурный код с его дохристианскими коннотациями отбрасывается Храбром, несмотря на очевидное сходство графических знаков – и несмотря на то, что христианство пришло в славянский мир из Константинополя.

Резкое неприятие греческого субстрата и одновременно острая жажда Греции как формы – определяющая черта грекофильского сознания, которая, несмотря на свою агональность, все же подразумевает поиск внутренней формы истории и обретение ее в эллинохристианской культуре.

Ключевые слова: философия истории, историческая память, историческое сознание, грекофильский дискурс, Черноризец Храбр, идеографичность алфавита, история письма, финикийский след

Дата публикации: 30.12.2019

Ссылка для цитирования:

Гусева А. А. Образы «негрекофильской» истории Черноризца Храбра // Полилог/Polylogos. 2019. Т. 3. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110007987-7-1/> (дата обращения: 07.06.2020). DOI: 10.18254/S258770110007987-7